

Pauline
-1904

«Похороните меня по-христиански...»

В Святом граде Иерусалиме, в так называемой Русской Гефсимании, в склепе, находящемся под церковью Святой Равноапостольской Марии Магдалины, стоят два гроба. В одном покоится Великая Княгиня Елизавета Федоровна, в другом — ее послушница Варвара, отказавшаяся покинуть свою Игуменью и этим спасти свою жизнь. Обе приняли мученическую кончину, будучи живыми брошены в шахту в Алапаевске, в ночь на 5-е июля 1918 года. Вместе с ними погибли таким же образом три сына Великого Князя Константина Константиновича и Князь Владимир Павлович Палей. О том, как тела их из далекого Алапаевска попали в Иерусалим, я и хочу рассказать.

Мой дядя, князь Николай Александрович Кудашев, был последним императорским посланником в Китае. В 1920 году он прибыл во Францию, где находилась и я с моей матерью и сестрами. Он нам рассказывал, как летом 1919 года «один монах» с двумя послушниками привез в Харбин тела умученных Романовых.

«Как официально лицу, — говорил он, — мне пришлось поехать в Харбин, чтобы их опознать и составить протокол. Трудно себе представить ужас, который мне пришлось испытать: тела убитых пролежали в шахте целый год. Монах (имени его дядя или вовсе не называл, или я его тогда не запомнила) сумел извлечь их со дна шахты, уложил их в наскоро сколоченные гробы, вернее — ящики, и, погрузив в теплушку, сам поместился в ней со своими послушниками. Это было как раз в самый разгар гражданской войны в Сибири, а потому тащились они до Харбина целых три недели, в страшную жару, под раскаленной солнцем железной крышей вагона. По прибытии в Харбин тела были в состоянии полного разложения — все, кроме Великой Княгини, которая была совершенно нетлена. Гробы открыли и поставили в русской церкви.

«Великая Княгиня лежала, как живая, и совсем не изменилась с того дня, как я, перед отъездом в Пекин, прощался с дею в Москве, только на одной стороне лица был большой кровоподтек от удара при падении в шахту.

Я заказал для них настоящие гробы и присутствовал на похоронах. Зная, что Великая Княгиня всегда выражала желание быть погребенной в Гефсимании в Иерусалиме, я решил исполнить ее волю и послал прах ее и ее верной послушницы в Святую Землю, попросив монаха проводить их до места последнего упокоения и тем самым закончить начатый подвиг».

Таков, в общих чертах, рассказ князя Кудашева. В 1931 году он сам скончался, но мы всегда хранили память о том, что Великая Княгиня Елизавета Федоровна нетленна.

Прошло 32 года. Вторая мировая война между тем перебросила нас в Америку.

В 1952 году покойный муж мой поехал по делам во Францию, а оттуда решил совершить пономничество в Иерусалим.

Обходя Святые Места, он попал на Малую Галилею, названную так потому, что во время земной жизни Иисуса Христа там, на склоне Елеонской Горы, находился самый бедный квартал Иерусалима, где останавливались галилейские рыбаки. Теперь там резиденция Патриарха Иерусалимского, в саду которого находятся две святыни: основание дома, в котором Господь явился ученикам после Своего Воскресения, и часовня, построенная на том месте, где Архангел Гавриил явился Божией Матери и предсказал Ей скорое Ее успение. По соседству с этой часовней, с разрешения и благословения покойного патриарха Дамиана, некий русский иеромонах — о. Серафим — построил себе хибарку и жил в ней.

Встреча моего мужа с о. Серафимом была самая трогательная, так как тот знал его отца, князя Михаила Сергеевича Путятина. И оказалось, что о. Серафим был тот самый монах, который привез в Иерусалим останки Великой Княгини.

В молодости о. Серафим писал рассказы на духовно-патриотические темы, что и дало ему доступ ко Двору, где произведения его были должным образом оценены. Родом он был с Урала. Удивительное совпадение: во время октябрьской революции он был в Москве и уговаривал Великую Княгиню Елизавету Федоровну поехать с ним в Алапаевск, «где, — говорил он, — у меня есть хорошие люди в старооб-

рядческих скитах, и они сумеют сохранить Ваше Высочество. Великая Княгиня отказалась скрываться из боязни репрессий, которые могли обрушиться на ее родственников, но добавила: «Если меня убьют, то прошу вас, похороните меня по-христиански».

В дальнейшем рассказ о Серафима во всем совпадал с рассказом князя Кудашева. Когда белые, под начальством атамана Семенова, овладели Алапаевском, о. Серафим, находившийся тогда на родине, сумел достать тела убитых и исполнить данное Великой Княгине обещание. Атаман Семенов велел выдать ему вагон и пропуск, и он таким образом отправился в Харбин. Вагон его передвигался вместе с фронтом: пройдет вперед верст 25, а потом откатится верст на 15... Благодаря пропуску Атамана, его постоянно отцепляли и прицепляли к разным поездам, в общем содействуя его продвижению к конечной цели. Путешествие продлилось три недели, и невозможно представить себе, что пережили за это время о. Серафим и его два спутника, проважавшие свой страшный груз. Из щелей пяти гробов постоянно сочилась жидкость, распространявшая ужасный смрад. Поезд часто останавливался посреди поля, тогда они собирали траву и вытирали ею гробы. Жидкость же, вытекавшая из гроба Вели-

кой Княгини, благоухала, и они бережно собирали ее, как святыню, в бутылочки. Остальное уже известно. О кровоподтеке на лице Великой Княгини о. Серафим говорил так: «У нее был сломан носик, но я его выправил к приезду посланника».

Скончался о. Серафим, когда я была в Святой Земле, и погребен около своей келии. Ему было 85 лет. Незадолго до своей кончины он подарил мне пузырек с прахом Великой Княгини. Содержимое пузырька представляет собой высохшую массу темно-коричневого цвета, осевшую примерно до половины бутылочки... Все это издает очень приятное, остро-пряное благоухание, не похожее ни на какой запах, который мне когда-либо приходилось обонять. Несмотря на свою нежность и тонкость, это — запах очень пронизывающий... Она стоит у меня на полке перед образами, где всегда горит лампада. От времени до времени запах немного меняется, точно в составе преобладают попеременно то те, то другие ароматические вещества. Конечно, я не позволяю себе часто прикасаться к бутылочке, а только прикладываюсь к ней в день годовщины убиения Великой Княгини, как к мощам, или же сдуваю с нее пыль.

Напечатано в журнале «Возрождение». Париж, 1964.— № 151.

